

*В узле среднего размера с восемью
перехлестами сверху и снизу образуется
256 всевозможных сплетений...*

*Стоит сделать всего одну ошибку
в последовательности накидываемых
сверху и снизу петель — и вы либо получите
совершенно другой узел, либо не получите
вообще никакого узла.*

КНИГА УЗЛОВ ЭШЛИ*

* Книга узлов Эшли (*англ.* The Ashley Book of Knots, 1944) — фундаментальный труд по вывязыванию узлов различного назначения. (*Здесь и далее примеч. перев.*)

Выражение признательности

В работе над «Корабельными новостями» помощь приходила ко мне с самых разных сторон. Я благодарна Национальному благотворительному фонду искусств за финансовую поддержку и Юкротскому фонду в Вайоминге за то, что имела уединенное место для работы. На Ньюфаундленде советы, объяснения и информация, которые я получала от многих людей, помогли мне понять, как жили люди на Скале в старину и какие изменения произошли там в настоящее время. Свойственные ньюфаундлендцам остроумие и вкус к беседе превращали случайные встречи в истинное удовольствие. Особенно благодарна я за доброту и приятную компанию Белле Ходж из бухты Охотника и Гусиного залива, которая из-за меня пострадала от укуса собаки и познакомила меня с деликатесами ньюфаундлендской домашней кухни. Кэролин Лейверс открыла мне глаза на сложности и тяготы жизни ньюфаундлендских женщин, как это сделал и Билл Гоф в своем романе 1984 года «Дом Мод». Служащие Канадской береговой охраны и поисково-спасательной службы, коллеги из газеты «Норзерн пен» в Сент-Энтони, рыбаки и лесорубы, сотрудники местной Метеорологической службы Министерства окружающей

среды Канады объясняли мне, как все работает. Точно настроенная антенна Джона Глузмана улавливала названия произведений ньюфаундлендской литературы, которые я иначе могла бы пропустить. Уолтер Панч из библиотеки Массачусетского садоводческого общества прояснил некоторые непонятные факты, касающиеся местной флоры. Спасибо также моим спутникам в путешествии по Атлантической Канаде: Тому Уоткину, который сражался с ветрами, медведями и москитами, и моему сыну Моргану Лангу, с которым мы вместе пережили апрельский шторм, встречи с айсбергами и оленями карибу. Я благодарна за советы и дружбу Аби Томас. Барбара Гроссман, редактор, о каком можно только мечтать, — чистое синее небо посреди густейшего тумана. И, наконец, без вдохновения, вселенного в меня замечательной «Книгой узлов Эшли» (1944) Клиффорда У. Эшли, которую мне посчастливилось найти на дворовой распродаже за четвертак, моя книга осталась бы лишь нитью замысла.

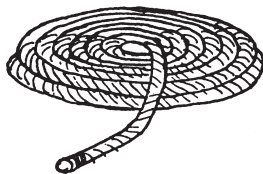
1

Куойл

Куойл: бухта каната.

Фламандская бухта — это однослойная плоская спираль. Выкладывается на палубе, чтобы в случае необходимости на нее можно было наступать.

КНИГА УЗЛОВ ЭШЛИ

Вот описание нескольких лет из жизни Куойла, родившегося в Бруклине и выросшего среди мешанины унылых городишек в северной части штата.

Детство его прошло в тесноте, напоминающей тесноту пчелиного улья, и в вечных страданиях из-за бурления газов и спазмов в животе; учась в государственном университете, он маскировал свои терзания молчаливыми улыбками, прикрывая подбородок ладонью. Кое-как перевалив со второго на третий десяток, научился скрывать истинные чувства и ни на что не рассчитывать. Ел он жадно, любил свиные ножки и картошку с маслом.

Чем занимался? Был агентом по продаже автоматов, торгующих конфетами, кладовщиком в круглосуточном магазине, третьеразрядным журналистом.

В тридцатишестилетнем возрасте, ничего не достигший, исполненный горечи, отвергнутый в любви, Куойл решил уехать на Ньюфаундленд, скалистый остров, породивший его предков, — место, где он никогда не бывал и не собирался побывать.

Там кругом вода. А Куойл воды боялся и не умел плавать. Сколько раз отец отдирает его от себя и бросал в пруды, ручьи, озера, в набегающие волны прибоя! Куойл отлично знал вкус морской соли и водорослей.

Начиная с краха этой ранней попытки сына научиться плавать хотя бы по-собачьи, отец наблюдал множество его других неудач, которые размножались со скоростью болезнетворных бактерий, — словом, сплошные провалы: неспособность научиться сидеть прямо, неумение быстро вставать по утрам, отсутствие внятной жизненной позиции, честолюбия и вообще каких бы то ни было способностей — в сущности, одни неудачи. Самого этого сына отец считал собственной неудачей.

На голову выше всех своих сверстников, Куойл двигался неуклюже, был слабохарактерным и знал это.

— Ну, ты и увалень здоровенный, — говорил отец. Сам он, надо сказать, тоже не был пигмеем. А брат Куойла Дик, любимец отца, когда Куойл входил в комнату, притворялся, будто его сейчас вывернет наизнанку, шипел: «Жиртрест! Сопляк! Уродец! Кабан! Тупица! Вонючка! Пердун! Засранец!», и начинал колотить и пинать его, пока Куойл не сворачивался клубком на покрытом линолеумом полу, защищая голову руками и хныча. А виной всему был главный недостаток Куойла — его ненормальная внешность.

Тело — огромная рыхлая глыба. В шесть лет он весил шестьдесят фунтов, а в шестнадцать костяк его был погребен под горой плоти. Голова вытянутая, как дыня креншо, полное отсутствие шеи, рыжеватые волосы торчали дыбом, отклоняясь назад, как иголки у дикобраза. Черты лица стянуты в пучок наподобие пальцев, сложенных для воздушного поцелуя. Глаза — как бесцветная пластмасса. И чудовищный подбородок, напоминающий причудливый утес, выдающийся вперед.

Не иначе этим гигантским подбородком наградил его какой-то аномальный ген, вострепнувшийся в момент его зачатия, как вспыхивает порой одинокая искра на угасшем уже пепелище. Еще в детстве он придумал несколько приемов для отвлечения внимания посторонних: смущенная улыбка, потупленный взор, правая ладонь, взлетающая к лицу, чтобы прикрыть подбородок.

Его самое раннее осознание себя — ощущение отчужденности: там, на переднем плане, была его семья; здесь, на границе видимости, он сам. До четырнадцати лет он лелеял мысль, что попал в чужую семью, что где-то живут его настоящие родственники, везущие на своем горбу подкидыша и мечтающие когда-нибудь найти его, Куойла. Но как-то раз, роясь в коробке с памятными вещицами, он обнаружил фотографию своего отца, вместе с братьями и сестрами стоявшего у корабельного леера. А немного поодаль — девушка, устремившая прищуренный взгляд на море, словно старалась разглядеть там порт назначения, находившийся в тысяче миль к югу. И Куойл узнал себя в их рыжих волосах, форме ног и рук. Вон

тот хитроватый на вид человек-гора в севшем свитере, сложивший руки на причинном месте, — его отец. На оборотной стороне снимка было написано синим карандашом: «Отплываем домой, 1946».

В университете он записался на предметы, коих понять был не в состоянии, ходил ссутулившись, ни с кем не разговаривал, а на выходные ездил домой, чтобы получить там очередной разнос. В конце концов он завязал с учебой и стал искать работу — все так же прикрывая подбородок ладонью.

Все было неопределенно в жизни одинокого Куойла. Мысли бурлили у него в голове, как аморфная масса, которую в древности моряки, плававшие в арктических сумерках, называли «легкими моря»: вспучивающаяся в тумане ледяная шуга, в которой жидкое становилось твердым, а твердое — жидким, небо над которой казалось замерзшим, воздух растворялся в воде, а свет и тьма перемешивались.

Заняться журналистикой он решил, когда как-то раз лениво жевал *saucisson** с хлебом. Хлеб был отменный: замешенный без дрожжей, пышно взошедший на собственной закваске и выпеченный в печи Партриджа на открытом воздухе. Во дворе Партриджа пахло жженой кукурузной мукой, свежескошенной травой и только что выпеченным хлебом.

Saucisson, хлеб, вино, разговоры с Партриджем. Ради всего этого он упустил шанс получить работу,

* Колбаса (фр.).

которая позволила бы ему припасть к изобильной груди бюрократии. Его отец, исключительно собственными стараниями поднявшийся до высшей точки своей карьеры — должности менеджера по продажам в сети супермаркетов, — вечно читал ему нотации, ставя в пример себя: «Когда я приехал сюда, мне пришлось таскать тяжеленные тачки с песком для каменщика». И так далее. Отец восхищался тайнами бизнеса: мужчинами, подписывающими бумаги, прикрывая их левой рукой, совещаниями за дверьми с матовыми стеклами, запертыми на замочки кейсами.

Но Партридж, у которого с подбородка капало масло, сказал:

— Да пошло оно все к такой-то матери! — Нарезал дольками багровый помидор и, сменив тему, перешел к описанию мест, где ему довелось побывать: Страбан, Южный Эмбой, Кларк Форк. В Кларк Форке играл в пул с мужчиной, у которого была искривлена носовая перегородка. Он носил перчатки из кожи кенгуру. Куойл, сидя в деревянном садовом кресле, слушал, прикрывая подбородок рукой. Его выходной костюм, надетый для собеседования, был испачкан маслом, к галстуку с ромбовидным узором прилипло помидорное семечко.

Куойл и Партридж познакомились в прачечной самообслуживания в Мокинбурге, Нью-Йорк. Ссутулившись над газетой, Куойл обводил карандашом объявления о вакансиях, пока его великан-

ские рубашки вращались в барабане. Партридж заметил, что рынок труда нынче скуден. Да, согласился Куойл, скуден. Партридж высказался насчет засухи, Куойл кивнул. Партридж направил разговор в сторону закрытия предприятия по производству квашеной капусты. Куойл потянул рубашки из сушилки, они выпали на пол в сопровождении дождя горячих монет и шариковых ручек. На рубашках остались длинные чернильные разводы.

— Теперь придется выбросить, — сказал Куойл.

— Ничего подобного, — возразил Партридж. — Натри чернильные пятна горячей солью и тальком. А потом выстирай их еще раз, добавив колпачок отбеливателя.

Куойл сказал, что попробует. Голос у него дрожал. Партридж удивился, увидев, как бесцветные глаза здорового мужика увеличились, наполнившись слезами. Потому что Куойл никак не мог справиться с чувством одиночества, а мечтал стать компанейским человеком, уверенным, что его общество доставляет удовольствие другим.

Сушилки взревели.

— Эй, приятель, заходи как-нибудь вечерком, — сказал Партридж, наискосок царапая свой адрес и номер телефона на обороте измятого кассового чека. У него тоже было не так уж много друзей.

На следующий вечер Куойл явился к нему, сжимая в руках бумажные пакеты. Фасад дома Партриджа и безлюдная улица были залиты янтарным светом. Золотой час. В пакетах были пачка импортных шведских крекеров, бутылки с красным, розовым и белым

вином, завернутые в фольгу треугольнички иностранных сыров. Куойла взволновала зажигательная легкая музыка, доносившаяся из дома Партриджа.

Некоторое время они дружили: Куойл, Партридж и Меркалия. Различия между ними таковы: Партридж черный, маленький, неугомонный путешественник по жизненным косограмм, любитель разговоров на всю ночь; Меркалия, вторая жена Партриджа, с кожей цвета коричневого птичьего пера на темной воде, отличалась умом и темпераментом; Куойл, крупный, белый, тащился по дороге жизни, не ведая куда.

Партридж обладал способностью заглядывать за пределы настоящего, делать моментальные снимки грядущих событий — как будто в голове у него мгновенно замыкались какие-то провода. Он родился в рубашке; в трехлетнем возрасте видел, как шаровая молния скатилась по пожарной лестнице; ночью накануне того дня, когда его свояка покусали шершни, ему приснились огурцы. Он был уверен в своей счастливой судьбе и умел выпускать изо рта идеальные колечки дыма. Свиристели во время своих сезонных перелетов всегда останавливались у него во дворе.

Сейчас, сидя у себя на заднем дворе и глядя на Куойла, похожего на собаку, наряженную в мужской костюм для комичной фотографии, Партридж о чем-то размышлял.